

Татьяна Шмелева
(Великий Новгород)

СЛОВЕСНОСТЬ ЕЖИ ФАРЫНО

Понятия *словесность* в польской научной терминологии нет. Вообще говоря, об этом можно было догадаться, ведь при характеристике этого понятия сообщается, что оно специфически русское. Но передо мной этот факт открылся при обсуждении публикации [7] с издателем и редактором — профессором Ежи Фарыно, ученым, который сформировал (хочется сказать — выпестовал) в Польше свою школу русской словесности, хотя его научное творчество связывают с семиотическим направлением литературоведческой русистики [19]. Берусь говорить о том, что делает Ежи Фарыно, именно как о словесности не потому, что не могу рассуждать в иных категориях, хотя это понятие, действительно, одно из моих любимых [6; 7; 9; 11; 12; 14; 16], а потому, что содержание его публикаций и научных дел, если можно так сказать, настолько широко, разнообразно и едино в своих методологических основах, что к ним подходит именно наш термин *словесность*. Постараюсь это доказать, представляя читателям знаменитого польского русиста.

Работая в польском городе Быдгоще¹, я получила предложение написать статью в авторитетное издание "Studia Litteraria Polono-Slavica". Мне показалось, что сюжет надо взять значительный. И именно таким осознавалось тогда возвращение словесности как интегральной филологической дисциплины, которая, с одной стороны, отсылала нас к отечественным традициям, а с другой — обещала преодолеть мучительную и бесплодную разорванность филологического сознания,

---

¹ На кафедре русского языкознания в Высшей педагогической школе; сейчас учебное заведение имеет другой статус — Университет имени Казимира Великого.

прежде всего барьеры между лингвистикой и литературоведением. Мне казалось, что это небезынтересно и польским русистам, которые составляют значительную часть читателей «Студий».

Статья была принята, и началось обсуждение деталей ее публикации. И тут я столкнулась с совершенно особым типом главного редактора — в лице профессора Фарыно. Он не просто складывал полученные статьи и располагал их по алфавиту, как это бывает обычно, а действительно работал с каждым автором, над каждой статьей. Мы долго обсуждали, как же быть со словесностью. Как ее перевести на польский язык? Как объяснить в аннотации по-польски? Конечно, я здесь мало чем могла помочь редактору, зная только отечественную реальность. В результате профессор принял решение оставить русский термин в переводном варианте названия, но дополнить его польским определением приблизительного соответствия: *Czy i jak wraca tradycyjna filologia («словесность»)*? В аннотации на польском языке, написанной, разумеется, редактором, разъясняется ключевое понятие и указывается, что оно приблизительно соответствует школьному предмету «польский язык», включающий знания о польском языке и литературе. Наша совместная работа показала, что мне удалось встретить филолога с широкими представлениями о польской и русской словесности и филологических традициях.

Дальнейшее общение убедило в том, что эти представления глубоки, оригинальны и исключительно конструктивны, или, как сейчас можно говорить, креативны. Профессор Фарыно порождает идеи, приводящие к возникновению новых идей и замыслов. Так, он организовал невероятные по тематике конференции. Выбирая некий смысл, он размещал его в широчайшем пространстве «язык — литература — культура», приглашал к размышлению о нем массу людей в Польше, России, Венгрии, Италии, Швеции и других странах¹. Таким образом кристаллизовалась система мотивов и мифов как код культуры, или «Мотивика и мифологемика XIX и XX века» — так назывался проект, над которым работал Фарыно в Институте славистики Польской академии наук. Из этих конференций мне известны не все, но и они показательны в высшей степени.

В 1998 году провели конференцию «Мусор в быту, культуре / языке и искусстве / литературе»; ее материалы [21] показывают, что это оказалось интересным и подвигло на изучение этой темы лингвистов и исследователей текстов Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Клюева,

---

¹ Замечу на полях, что российским коллегам оплачивали дорогу — поддерживались не только идеи, но и возможность их реализовать.

Платонова, Бродского, второй план рассмотрения — в рамках русского романтизма и русского авангарда, символизма и акмеизма; третий — русская культура.

Среди 40 статей этого издания «Студий» два текста самого Ежи Фарыно: «Несколько общих замечаний по воду концептов "чистый / грязный"» [21, S. 59–62] и «Заключение: уроки перспективы "чистоты / грязи / мусора"» [Там же, S. 467–475]. Несколько его замечаний относятся скорее к языковой семантике: чистота первичная и как результат очистки; грязь как самостоятельная сущность и как результат загрязнения; то, что может загрязнять, само грязью не является; отсюда необходимость ввести понятие нейтрального состояния — ни чистого, ни грязного; концепты чистота / грязь транспонируются в духовное, этическое — святость / грех. Лингвистические заметки, на которые можно опираться в наблюдениях за теми или иными сущностями.

В «Заключении» Фарыно называет все это парадигмой, разработка которой еще впереди. Отмечает несколько направлений, где эта разработка может осуществляться: концепции чистого тела в восточноевропейской и западноевропейской культурах, баня как нечистое место и место публичное, мусор и «мусорные» метафоры, в частности по отношению к языку; стирка, чистое белье и состояние Раскольникова в «Преступлении и наказании». Интересно, что «Заключение» не закрывает проблему, а приоткрывает и расширяет ее.

Как отмечено в рецензии на это издание «Студий», опубликованные в нем материалы «существенно обогатили и в то же время сделали более разнообразной нашу литературоведческую действительность» [20, S. 81. Перевод наш. — Т. III.].

То же можно было бы сказать и о конференции «*Morbus, medicamentum et sanus = Choroba, lek i zdrowie. = Болезнь, лекарство и здоровье*», информацию о которой я публиковала в разных изданиях [8; 10]. Так получилось, что в этой конференции приняли участие главным образом литературоведы, рассуждавшие о мотиве болезни и врачевания в произведениях Симеона Полоцкого и Леонида Андреева, Пушкина и Ахматовой, Пастернака и Платонова, Солженицына и Бродского, и исследователи народной культуры, докладывавшие о персонификации болезней в заговорах, народной медицине и месте в ней воды [22]. Между тем организатору хотелось, чтобы было по его замыслу: «в языке — культуре — искусстве». И он просто «вытащил» из меня статью про языковые данные о болезни в русском и польском языках [15], как бы заполнив образовавшуюся лауну. Сам Фарыно в завершающей издание статье «Как и чем писатели болеют и лечат сво-

их персонажей» формулирует идеи концептуализации болезни в языческой и христианской культурах, в художественных мирах Л. Толстого, Солженицына, Пастернака.

В последующих мотивологических конференциях Фарыно я уже не могла участвовать, покинув Польшу, но знаю, что их общий замысел состоял в том, чтобы создать словарь мотивов и мифологем культуры. Насколько этот замысел приблизился к осуществлению, не знаю, но его грандиозность не может не впечатлять.

Третья конференция, организованная профессором, была посвящена взглядам друг на друга поляков и русских — «*Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków* = Поляки глазами русских — русские глазами поляков». Понятно, какая это деликатная тема и как трудно здесь отделить собственно исследовательские представления от национальных ощущений. Однако конференция была, действительно, интересной и разнообразной по источникам, из которых ее участники извлекали представления поляков и русских друг о друге: это социологические опросы и словари, исторические документы и драматургические произведения, тексты Хмелевской и Виктора Ерофеева. Разумеется, после конференции появилось издание, родившееся благодаря усилиям профессора и его ученика Романа Бобрлика [23].

Опыт сотрудничества с Фарыно — издателем и редактором — одно из самых интересных моих научных впечатлений в Польше. Работа с участниками конференции, как я поняла, только начиналась после ее окончания. Обсуждая едва ли не каждый тезис, полемизируя с авторами, профессор погружался в переписку, о размерах которой можно только догадываться. И «поконференционные», как их называют польские коллеги, издания не были простым отражением конференции, то есть собранием текстов прочитанных докладов. На конференции о болезнях я выступила с небольшим сообщением о метафоре болезни в русской и польской прессе, а написала, как уже было сказано, об обозначении здоровья и болезней в русском и польском языках. Кроме того, моя коллега докладывала о поэтике Бродского, но писать не стала, сославшись на то, что картина сложилась. Поскольку в обсуждениях я говорила о том, что в изучении поэтического текста можно использовать опыт семантического синтаксиса, Фарыно уговорил меня попробовать это сделать на материале поэзии Бродского [4].

Последняя конференция, в которой мне удалось поучаствовать, была организована не Ежи Фарыно, а в его честь — по случаю шестидесятилетия. Здесь, в Быдгоще можно было видеть, сколько филологов оказались под влиянием идей юбиляра, как разнообразны их конкретные научные интересы и каким плодотворным может быть обще-

ние людей, объединенных стремлением познать словесность во всех ее разнообразных проявлениях. Тут не противопоставлялись лингвисты и литературоведы, специалисты по разным векам и языкам, не делились даже на секции — шел обмен важной для всех информацией.

Конечно, в выступлениях звучали и слова признательности мэтру от разных людей — читавших его статьи и книги, слушавших его лекции и участвовавших в его уникальных конференциях. Но самой упоминаемой в таких «отступлениях признательности» была книга с интригующим названием «Введение в литературоведение» [17].

И я могу присоединиться к восторгам по поводу этой книги, потому что с нее начиналось мое знакомство с Фарыно как с писателем и педагогом. Как ни странно, чтение ее доставило огромное профессиональное удовольствие. Она, действительно, вводит в круг проблем современного литературоведения на мощнейшем фундаменте семиотики, теории коммуникации, общей филологии. Главную педагогическую мысль книги я бы сформулировала так: художественная литература — это особый случай коммуникации, понять специфику которой можно, имея общие представления о природе коммуникации, языка, культуры, с одной стороны, и собственные законы художественного общения — с другой. Сама по себе мысль и так оригинальна, но дело в том, что она воплощена последовательно, объемно и убедительно педагогически.

Построена книга, можно сказать, идеографически. Познакомив читателя с фундаментальными понятиями *художественный текст, поэтическая система, наука о литературе, описание — анализ — интерпретация*, она останавливается на понятии *художественный мир произведения* и начинает экскурсию по этому миру (мирам), демонстрируя его элементы: сначала рассматриваются персонажи — их имена и формы обращения, портрет и костюм, тело и его недуги, поведение... Затем читатель перемещается в мир предметный с его важнейшими «организующими инстанциями» — пространством и временем — и видит значимость для предметного мира художественного произведения различных составляющих — света / темноты, звука / тишины, запаха, фактуры, движения...

Каждая из этих глав включает анализ текстов русской (иногда польской) литературы — разборы, как предпочитают говорить польские русисты. Эти разборы, подкупающие своей основательностью и нетривиальностью, делают книгу своеобразной энциклопедией литературоведческого мастерства.

Книга написана по-русски, и издание ее в нашей стране напрашивалось само собой. И это произошло в 2004 году — она вышла в изда-

тельстве РПГУ им. Герцена [2]. Во вступительной статье подчеркивается, что книга — «учебник и одновременно научный труд... она вобрала многолетний труд монографических разборов огромного количества конкретных текстов» [1, с. 5]. Подход Е. Фарыно автор вступительной статьи квалифицирует как *функциональную поэтику*, указывая при этом на неполемическое отношение к литературоведческой традиции и прямые связи со структурно-семиотическими исследованиями.

Эта связь чрезвычайно ценится польскими коллегами, считающими, что Ежи Фарыно внес значительный вклад в польскую «структурно-семиотически-коммуникативную науку о литературе» [19]. Ставя в центр внимания проблему семиотизацию обыденного (практического) языка в художественном тексте, он сосредоточивает внимание на том, как дискретные языковые элементы в линейности текста приобретают иерархичную, экспликативную и трансформативную равнозначность. Именно в этом и состоит функциональность элемента. Экспликация как прием анализа художественного текста, выявления его зашифрованных смыслов и приводит к знаменитым «дешифровкам» Фарыно, которые тщательно изучаются исследователями текстов Цветаевой, Пастернака — русского авангарда, как именуют в Европе творчество этих и близких им авторов.

Дешифровки, или археологические раскопки поэтического смысла (отсюда термин *археопэтика*), профессора Фарыно — увлекательное чтение, а тем более слушание в авторском исполнении. Даже если потом у тебя начнут рождаться смутные сомнения, во время доклада или чтения статьи можно только замороженно следить за ходом авторских действий и замирать от неожиданно явившегося смысла, открывшейся параллели, вдруг вырвавшегося откуда-то объяснения всему. Испытав это чувство, не удивляюсь, что у Ежи Фарыно такое число почитателей и последователей. С одной из его последовательниц в науке — Анной Маймескулов — мне довелось работать в Быдгоще, и именно ей я обязана огромной радостью знакомства с текстами профессора и с ним самим. О чем всегда думаю с благодарностью.

К своему шестидесятилетию Ежи Фарыно издал книжечку с описанием своих научных трудов [17]. Ее чтение — особое удовольствие, она как раз и показывает контуры «словесности Фарыно». Вот авторы, которых Фарыно исследовал: Хлебников, Пушкин, Евтушенко, Цветаева, Тувим, Пастернак, Светлов, Винокуров, Мандельштам, Заболоцкий, Ахматова, Фет, Шимборска, Лермонтов, Гоголь, Кубяк, Маяковский, Булгаков, Введенский, Достоевский, Чехов, Крученых... Названия работ Ежи Фарыно очень просты и символичны: «Бессонница» Марины Цветаевой. Опыт анализа цикла (1978); «Тайны ремесла» Ах-

матовой (1980); «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина (1982); «Сенювал» Мандельштама (1984), Стихотворение Цветаевой «Прокрасться...» (1987); «Золотистого меда струя...» Мандельштама (1987). Думаю, понимающие оценят масштабы этой словесности.

Но даже это безграничное понятие — словесность — для представления творчества Ежи Фарино оказывается недостаточно масштабным. Где в ее понятийном аспекте расположить статьи для словаря «Русская ментальность», выпущенного в 1995 году под общей редакцией А. Лазари? Это статьи «Алфавит социализма», «Дорога / путь», «Духовный / душевный», «Идея / русская идея, идейный» и десятки других. Все эти «элементарные частицы» ментальности — как их видят и формулируют польские гуманитарии — выводятся из русской литературы, а значит, тоже принадлежат словесности.

Такая ипостась словесника, как переводчик, хорошо известна Ежи Фарино. Среди переведенных им авторов Лотман и Апресян, Холшевников и Арутюнова, Бахтин и Богатырев, Гаспаров и Егоров. За одни только эти переводы русская филология должна быть благодарна Фарино, ведь он открывал ее для польских читателей. Заметим, что здесь литературоведение и лингвистика неразлучны, что характерно для словесности.

В 2011 году профессор Фарино отметил юбилей. Уверена, что в списке его работ появились новые исследования, а число почитателей выросло. Пусть и эта скромная работа будет нашим поздравлением.

По-настоящему показать в ней все стороны творчества ученого, конечно, не удалось, но напомнить, что в Польше живет человек, который трудится над словесностью, вызывая восхищение и желание сделать что-нибудь с ним «в одной упряжке», надеюсь, получилось. Во всяком случае, прочитав его тексты можно и в Интернете. Будем считать, что моя задача выполнена, если кто-нибудь откроет для себя автора Ежи Фарино и его словесность с ее археопэтикой, дешифровкой и неугасающим интересом к литературе, в том числе и русской.

Список литературы

1. Гончаров С.А. Западная славистика. Ежи Фарино // Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб., 2004.
2. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб., 2004.
3. Фарино Е. Юрятинская читальня и библиотекарша Авдотья («Археопэтика «Доктора Живаго» // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992.
4. Шмелева Т.В. Боль/болезнь в поэтике Иосифа Бродского // Studia Litteraria Polono-Slavica. Т. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.

5. Шмелева Т.В. В кругу мотивов и мифов // ЯЛИК: информ. бюл. 2001. Янв. (№43).
6. Шмелева Т.В. Введение в теорию словесности: программа вузовского курса // Речеведение: науч.-метод. тетради. №2. Великий Новгород, 2000.
7. Шмелева Т.В. Возвращение словесности? // Studia Litteraria Polono-Slavica, 5. Warszawa, 2000.
8. Шмелева Т.В. Достоевский «болел» своих героев бредом // Университетская жизнь. 2001. 14 февр.
9. Шмелева Т.В. Колыбель русской словесности // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования). Великий Новгород, 2010.
10. Шмелева Т.В. Конференция в Варшаве // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №4.
11. Шмелева Т.В. Новгород в становлении русской словесности // Лихудовские чтения: матер. науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Новгород, 24–25 мая 2004 г. Новгород, 2009.
12. Шмелева Т.В. Словесность в свете интеграции и дифференциации // Педагогика, психология, словесность: сб. ст. Новгород, 2005.
13. Шмелева Т.В. Словесность в университете // Классический университет в российском образовательном пространстве (к 90-летию Пермского государственного университета): матер. Междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 11–14 октября 2006 года. Пермь, 2006.
14. Шмелева Т.В. Словесность возвращается // ЯЛИК: информ. бюл. 2003. Май (№54).
15. Шмелева Т.В. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели // Studia Litteraria Polono-Slavica. Т. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.
16. Шмелева Т.В. Ярослав Мудрый и русская словесность // Язык образования и образование языка: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 июня 2005 года. Новгород, 2005.
17. Faryno J. Curriculum vitae – dorobek naukowy (1965–2001). Warszawa, 2001.
18. Faryno J. Введение в литературоведение = Wstęp do literaturoznawstwa. Część 1–3. Katowice, 1978–1980. Warszawa, 1991.
19. Majmieskulow A. Semiologiczna teoria literatury w polskiej rusycystyce (O kategorii literackości w pracach Jerzego Faryno) // Semiologiczna teoria rusycystyki literaturoznawczej. Katowice, 2000.
20. Majmieskulow A. Studia Literaria Polonico-Slavica. Т. 4. Utopia czystosci i gory śmieci. Warszawa, 1999 // Przegląd Rusycystyczny. 2001. №1.
21. Studia Literaria Polonico-Slavica. Т. 4. Utopia czystosci i gory śmieci. Warszawa, 1999.
22. Studia Litteraria Polono-Slavica. Т. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.
23. Wizerunek sąsiadów. I. Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków = Поляки глазами русских – русские глазами поляков: zbiór studiów. Warszawa, 2000.